

С. И. ШИДЛОВСКИЙ.

Воспоминания¹⁾.

1.

Первые дни революции.

Утром 27 февраля мне сообщили, чтобы я непременно приехал в думу.

По доходившим до меня сведениям я знал, что в Петербурге неспокойно, по улицам ходят толпы рабочих, в некоторых местах города поставлены войска, и что все это брожение возникло на почве недостатка хлеба в некоторых лавках на Выборгской стороне. Проехать в думу утром 27 февраля из того отдаленного района Петербургской стороны, где я жил, было не так легко; пришлось раздobyывать автомобиль под флагом Красного Креста, который был за мною прислан.

При въезде на Троицкий мост я был остановлен чем-то вроде заставы из уличной толпы, которая после краткой задержки пропустила меня дальше из уважения к флагу Красного Креста. На другом конце моста я также был остановлен, но уже военной заставой, которая также пропустила меня, так что мне не пришлось открывать свое звание члена Государственной думы, дававшее в первые дни революции беспрепятственный пропуск повсюду.

Приехав в думу, я застал весьма возбужденное настроение, во-первых, из-за происходивших в городе беспорядков, в которых чувствовалось нечто более грозное, чем в обычных, преходящих волнениях, а во-вторых, вследствие получения председателем думы указа об ее распуске на неопределенный срок. Все отлично знали, что государя ни в Петербурге, ни в Царском Селе нет, и что, следовательно, заранее подписанный указ был оставлен председателю совета министров для передачи по назначению в случае надобности²⁾.

¹⁾ Автор — член IV Государственной думы, левый октябрьст. Как политический деятель, не играл крупной роли. Ред.

²⁾ Это подтверждает М. Родзянко. См. стр. 35. Ред.

Атмосфера была такова, что Государственная дума не собралась в официальное заседание для выслушания указа о роспуске, а собравшись в полуциркульном зале в частное заседание, приступила к обсуждению создавшегося положения. Недоверие к правительству было таково, что никто даже и не заикнулся о поддержке его в целях восстановления порядка, а стали делаться разные предложения относительно установления какого бы то ни было порядка.

Большинство этих предложений в памяти моей не удержалось; помню я только хорошо предложение, внесенное членом думы Некрасовым, столь прославившимся впоследствии в рядах Временного правительства, о том, что надлежит установить военную диктатуру, вручив всю власть популярному генералу, которого он здесь же назвал. Это был пользующийся большою популярностью среди прикованных к военному делу членов думы начальник главного артиллерийского управления генерал Маниковский.

Предложение это не было принято и даже не подвергалось голосованию, и частное совещание вынесло известное постановление о том, чтобы не разъезжаться и поручить избрание Временного комитета совету старейшин.

Во время этого заседания все время доставлялись председателю Государственной думы сведения о ходе событий, сводившиеся к тому, что движение разрастается, некоторые воинские части присоединились к толпе и в беспорядке, смешавшись с нею, бродят по городу, что занят арсенал, подожжено здание окружного суда и т. д.

Через несколько времени доложили, что толпа уже вошла в сквер внутри ограды дворца и стоит в некоторой нерешительности перед подъездом. Решили, что нужно выйти и говорить с толпою. Все бросились на подъезд, уже занятый толпою, и в результате некоторой давки удалось попасть на ступени лицом к лицу с пришедшими четырем членам думы: Чхеидзе, Скобелеву, Керенскому и мне.

Начал речь к толпе Чхеидзе, за ним говорили Скобелев и Керенский; что они говорили, точно не помню, но помню отлично, что это были типично трафаретные, митинговые, революционные речи. Им отвечал стоявший как раз перед ними в первых рядах толпы рабочий соверенно в их духе; он, между прочим, сказал, что им не нужно таких, как Милюков, а вот только что говорившие перед толпою ораторы — их вожди.

После этих речей толпа ворвалась в Таврический дворец и начала там хозяйничать.

Весьма быстро совет рабочих депутатов занял самую обширную из всех думских комиссионных комнат и начал весьма энергично выживать все думские учреждения из зани-

мавшихся ими комнат, вселяя туда свои вспомогательные учреждения. Государственная дума постепенно и без всяких церемоний вытеснялась из своих помещений.

В городе продолжался хаос, все возраставший. Толпа начинала все более и более хоронить и бороться с воображаемым противником. Говорю—воображаемым, потому что со стороны представителей старой власти никаких маломальски серьезных мер для восстановления порядка принимало не было, и они оказались совершенно растерявшимися и не имевшими в своем распоряжении никакой реальной силы.

Попытка применить воинскую силу для водворения порядка закончилась неудачно, так как на Знаменской площади отряд казаков отказался идти против бунтовщиков и присоединился к ним. Группы лиц, никому неизвестных и никем не уполномоченных, стали заниматься арестами тех деятелей старого режима и офицеров, которых по их соображениям надлежало арестовать; всех арестованных приводили затем в Таврический дворец.

Первым был приведен еще 27 числа бывший министр юстиции Щегловитов и помещен в министерском павильоне, где очень быстро к нему присоединилось столько разного народа, что все оказалось переполнено, и арестованных стали отводить в ближайший манеж Кавалергардского полка, тоже быстро переполнившийся.

Много народа было, конечно, отпускаемо, так как никаких оснований для их ареста не было¹⁾, но делать нужно было это очень осторожно в теочные часы, когда все затихало, и не раз отпущеные лица на следующий день снова приводились арестованными какой-нибудь другой шайкой. Некоторые из наиболее видных сановников просили их не выпускать из-под ареста, считая себя в большей безопасности в здании Таврического дворца²⁾.

Войск находилось в это время в Петрограде очень много, но это были запасные батальоны, носившие имена гвардейских полков, численностью каждый в несколько тысяч человек. Это были запасные и ратники весьма почтенного возраста, проводившие время в праздности, весьма мало дисциплинированные и на организованные воинские части мало похожие. Некоторые из них с первого же момента слились с толпой, но не в виде воинских частей, а в виде отдельных людей с винтовками, так что хоронившие в городе толпы представляли собой какую-то мешанину из

¹⁾ Этим большей частью неосновательным предлогом либеральные думцы широко пользовались для защиты слуг царского режима от "самоуправства" революционных "шаек". Ред.

²⁾ Еще бы. Здесь они были под защитой "своих". Ред.

солдат, рабочих и обычной городской черни, ничем, кроме проснувшихся инстинктов разрушения, не руководившихся.

Постепенно стали прибывать в Петроград воинские части из пригородных местностей, весьма быстро воспринимавшие дух петроградского гарнизона и обращавшиеся в то же дезорганизованное состояние. Значительно позднее, когда в Петроград стали прибывать части с фронта, то они внешностью своей поражали отвыкших от вида настоящих войск петроградцев, но к тому времени аппарат разложения войск был революционными организациями до того усовершенствован, что через несколько дней и свежие войска делались похожими на петроградские.

Первые же дни революции воочию показали мне и убедили меня в том, что культурный ход революции в России невозможен и удержать ее развитие в известных рамках немыслимо, почему и Государственной думе ни захватить руководство ею, ни стать во главе ее не удастся.

В то время, когда в Петрограде хозяйствами уличная толпа и ничем от нее не отличавшиеся войска, совет рабочих и солдатских депутатов не терял времени. Очень удачно поместившись в Таврическом дворце вместе с Государственной думой и, таким образом, для плохо разбиравшейся публики сделавши возможным отожествление себя с последней¹⁾, совет сразу принял целый ряд мер для устранения возможности проявления Государственной думой своей самостоятельности.

Были захвачены советом все почтовые и телеграфные учреждения, радио, все петроградские станции железных дорог, все типографии, так что без его разрешения нельзя было ни послать телеграмму, ни выехать из Петрограда, ни напечатать воззвания. Все эти репрессивные меры, главным образом, имели в виду Государственную думу, которой с большим трудом и только в единичных случаях удавалось избежать этой цензуры.

Таврический дворец представлял собой и днем и ночью самый деятельный муравейник, входил и выходил из него, кто хотел, навезли туда оружия, целые кучи провизии, и в залах его происходило нечто чрезвычайно похожее на подготовку крепости к осаде. Заседания временного комитета Государственной думы и совета рабочих депутатов шли беспрерывно день и ночь.

Выехав из дома в думу 27 февраля утром, я попал снова домой лишь 10 марта; все это время шло заседание комитета. Когда писался журнал комитета, то старания разде-

¹⁾ Конечно, эта весьма сомнительная по своей ценности возможность менее всего интересовала совет. Ред.

лить все это время на отдельные заседания оказались не-осуществимыми, и пришлось написать один общий журнал, охвативший все это время,—журнал, к счастью, сохранившийся до сих пор.

В состав Временного комитета входили и Чхеидзе и Керенский, одновременно состоявшие членами совета рабочих депутатов; сначала думали, что этой связи будет достаточно для установления известной согласованности в действиях обоих учреждений, но этого оказалось мало, и совет рабочих депутатов избрал несколько человек для сношений с Временным комитетом, которые и приглашались в заседание последнего, когда было нужно.

Впрочем, и эти лица были поставлены советом в такое положение, что самостоятельно ничего решать не могли, а должны были докладывать своему пленуму, от которого и получали надлежащие директивы. При таких условиях, конечно, никакой быстроты в решениях добиться было нельзя, и это очень задерживало совместную работу.

2.

Временное правительство. Министры. Шингарев. Петроградские войска. Преображенский полк.

Ввиду того, что большинство министерств осталось без министров, Временный комитет Государственной думы назначил в министерства комиссаров из числа членов думы, которые должны были не столько управлять министерствами, сколько сидеть в них, что было, конечно, нелегко вследствие царившего везде возбужденного настроения и брожения.

Тем временем шли переговоры о формировании Временного правительства, был выписан из Москвы не возбуждавший ни с какой стороны сомнений кандидат на пост председателя правительства, князь Львов. Состав Временного правительства как-то наметился сам собою, никаких особых обсуждений кандидатур отдельных лиц на тот или иной пост не производилось, и портфели были распределены главным образом между членами думы, специализировавшимися в ней на том или другом ведомстве.

Как и откуда возникла кандидатура М. И. Терещенко на пост министра финансов, я совершенно не помню. Известный депутат А. И. Шингарев чрезвычайно неохотно принял пост министра земледелия, считая себя к этой специальности неподготовленным, и жалел, что не ему досталось министерство финансов, в котором, по его словам, он чувствовал бы себя как дома.

А. И. Шингарев был очень популярным депутатом и составил себе известную репутацию как превосходный оратор, обладающий каким-то особенно подкупающим тембром голоса.

Князь Львов, назначенный главою правительства, пользовался такою всероссийской репутациею, что если бы был в России произведен плебисцит и если бы плебисциты являлись, действительно, правильным способом выражения общего мнения, то, несомненно, он получил бы большинство голосов¹⁾.

Он по своим убеждениям совсем не так лев, как многие думают, но у него была слабость, род недуга, к левым элементам, особый вид благосклонного попустительства по отношению к крайним левым элементам, которыми он всегда бывал окружен во всех состоявших под его руководством земских организациях.

Эти левые очень искусно пользовались этой его слабостью и вели свое дело под его фирмою не только для него незаметно, но при убеждении с его стороны, что они этого не сделают. Такая слабость была присуща очень многим общественным деятелям, но князю Львову в особенности, и, во всяком случае, он был совсем не из того теста, из которого пекутся руководящие деятели в революционное время.

Он был чересчур мягок по природе, был в состоянии жить иллюзиями, но до конца ногтей он — человек порядочный и честный, что впрочем, в революционное время вообще не особенно ценится.

Вл. Н. Львов, вошедший в состав Временного правительства в качестве обер-прокурора св. синода, был человек неуравновешенный до ненормальности. Ему во всякую минуту могла притти в голову любая мысль, утром — левая, вечером — черносотенная, и он всецело ей отдавался до следующей смены мыслей.

Говорить с ним и стараться убедить его в чем-либо — вещь совершенно безнадежная, но, при всей невозможности с ним делать дело, он всегда оставался человеком порядочным и на сознательную гадость неспособным.

Временное правительство первого состава было образовано Временным комитетом Государственной думы по соглашению с советом рабочих и солдатских депутатов, о чем было объявлено во всеобщее сведение, так что державшееся еще некоторое время в публике мнение, что Временный комитет и есть правительство, совершенно ошибочно.

¹⁾ Это утверждение страдает чрезмерной категоричностью. Князь Львов был известен лишь „образованному обществу“. При действительно правильном способе выражения мнения в сей стране, он, конечно, не получил бы большинства голосов. Ред.

Временный комитет, создав правительство, никаких дальнейших посягательств на власть не делал, в распоряжения правительства не вмешивался, но считал себя законным держателем верховной власти, которая могла сменить правительство или отдельного министра, если бы это потребовалось; поэтому он считал себя обязанным следить за действиями правительства и быть в курсе всего предпринимавшегося.

В первое время происходили периодические заседания правительства при участии членов Временного комитета и с известным числом представителей совета рабочих депутатов.

Присутствие последних и их участие было с юридической стороны совершенно неправильно, но вызывалось действительным положением дела, так как фактически совет считал себя представителем народа и приобретал все большее значение.

Правительство против этого не протестовало и весьма скоро очутилось слугою совета¹⁾, утративши всякую самостоятельность и разорвавши связь с Государственную думою. Этому много способствовала теория предоставленной правительству абсолютной полноты власти, настойчиво проводившаяся Керенским, Милюковым и Вл. Львовым.

Правительство, обязанное своим происхождением Государственной думе и ею назначенное, стало считать себя своего рода диктатором и даже при всех дальнейших изменениях в своем личном составе стало сначала испрашивать разрешения думы, затем только доводить до сведения по собственной инициативе, затем извещать думу по ее требованию и, наконец, совершать все эти изменения самостоятельно, без всякого участия думы.

Все это, конечно, отнюдь не служило признаком эманципации власти от влияния Государственной думы, а доказывало совершенно другое, а именно — постепенное подпадение ее под влияние совета рабочих депутатов, представлявшего в то время силу реальную, тогда как дума являлась только силою юридическою.

Принятие правительством теории Керенского и Милюкова о полноте его власти было, разумеется, громадной ошибкой, так как лишило правительство единственной опоры, притом совершенно законной, для противодействия влиянию совета, слугою которого в конце концов и стало Временное правительство.

¹⁾ Правильнее было бы сказать наоборот, ибо Совет в значительно большей мере приспособлялся к Временному Правительству, чем оно к нему. Ред.

Государственная дума в результате этого, конечно, утра-тила не только влияние, но и всякую связь с Временным правительством, осведомляясь об его действиях и предположениях теми же путями, которыми это мог делать всякий обыватель. Само Временное правительство, столь способствовавшее своему порабощению советом в корне неправильной теорией полноты власти, скоро фактически погибло, ибо с уходом князя Львова и заменою его Керенским оно никак не могло доказать источник своей власти.

Государственную думу очень озабочивало участие в действиях толпы дезорганизованных солдат, которых во что бы то ни стало нужно было привести в подобие воинской части. Но для этого не было офицеров, совершенно отстраненных или отстранившихся от дела. Позднее, после отречения Николая II, офицеры стали считать себя свободными от присяги, и дело пошло немного лучше.

Всякое лицо офицерского звания или носившее офицерский мундир было принимаемо в Таврическом дворце с открытыми объятиями, и таким лицам очень легко давали назначения комендантov и на другие подходящие должности; весьма скоро обнаружилось, что эти лица в большинстве случаев недостойны никаких должностей, и они были быстро устраниены по мере увеличения кадра офицеров в распоряжении думы.

В это время мне пришлось принять личное участие в одном эпизоде, имевшем отношение к войскам. Когда сорганизовался Временный комитет Государственной думы и председателю думы было предложено председательство в нем, он согласился не сразу и после долгих уговоров просил дать ему еще полчаса подумать одному, для этого он удалился в соседний кабинет товарища председателя.

В это время меня вызвали к телефону, и знакомый голос моего племянника, бывшего офицером в Преображенском полку, спросил меня, узнаю ли я его голос, и на утвердительный ответ просил меня от имени всех собравшихся в офицерском собрании офицеров-преображенцев передать председателю думы, что они только что постановили предоставить себя в распоряжение думы.

Придавая большое значение такому заявлению офицеров первого полка русской армии, я решился нарушить уединение Родзянко и пошел к нему. Он очень обрадовался этому, вышел в соседнюю комнату, где комитет ожидал его решения, и объявил, что согласен принять должность председателя Временного комитета, а меня просил сейчас же съездить в полк и поговорить с офицерами.

В офицерском собрании я застал в полном собрье весь офицерский состав полка и значительное количество важных

генералов из командного состава гвардии. Я поблагодарил их от имени Государственной думы и сказал им то, что в таких случаях говорить полагается; затем началась беседа на злободневные темы, при чем более или менее разбиравшимся в том, что происходило, оказался лишь один офицер в сравнительно небольших чинах, остальные же ничего не понимали.

По окончании беседы я вернулся в Таврический дворец, сказав офицерам, что на следующий день — дело было вечером — к ним приедет заведывающий военным отделом, член думы полковник Энгельгардт для того, чтобы дать им дальнейшие указания.

Каково было мое удивление, когда на следующее утро я увидел на улице весь Преображенский полк шедшим в строю, в образцовом порядке, с оркестром во главе, без единого офицера, с каким-то никому неизвестным штабс-капитаном во главе!

Моментально телефонировали в казармы, и, когда узнали от офицеров, что полк ушел без их ведома, сейчас же были посланы автомобили с тем, чтобы привезти офицеров к их полку. Но офицеры во-время не попали и приехали в Таврический дворец слишком поздно, когда полк, уже выслушав речь Родзянко, в таком же порядке шел обратно в казармы.

Вечером в тот же день в Таврический дворец явилось несколько солдат-преображенцев, в большинствеunter-офицеров с георгиевскими крестами, вызвали меня и сказали, что они явились в думу потому, что их вызвали. Когда я им сказал, что дума их не вызывала, то они предъявили мне повестку, приглашавшую Преображенский полк выбрать от каждой роты по одному человеку и прислать в такой-то день, к такому-то часу в Таврический дворец.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это — повестка от совета рабочих депутатов, решившего привлечь в свой состав депутатов от каждой роты, приняв название совета рабочих и солдатских депутатов.

Разъяснив дело пришедшем преображенцам, я воспользовался случаем выяснить только что произшедшее в полку и спросил солдат, почему вечером все офицеры заявляют о своей преданности думе, а утром это же самое делают нижние чины в строю без своих офицеров. На это мне было отвечено в самой корректной форме, что офицеры их, вообще, держат себя как-то странно, все собираются в своем собрании, о чем-то толкуют, принимают какие-то решения, но солдатам ничего не объясняют и, кроме узко служебных, никаких сношений с ними не имеют.

Подробные разъяснения, отнюдь не в виде жалоб, отношений офицеров с солдатами в Преображенском полку нари-

совали мне такую картину, существование которой я не считал возможным даже в самом глухом полку армии, а не то что в первом полку гвардии.

Мне потом рассказывали офицеры других гвардейских частей, что им давно уже было известно о существовании в Преображенском полку таких дисциплинарных взысканий, которые никакими уставами не были предусмотрены и с чувством человеческого достоинства совершенно несовместимы.

3.

Прием депутатий Временным комитетом. Приказ № 1.

Дней через 10—15 после событий 27 февраля 1917 года в здании Таврического дворца стали появляться различные депутатии от отдельных гарнизонов и других воинских объединений, расположенных вне Петрограда. Депутации эти состояли из офицеров различных чинов и солдат, посланных для изъявления готовности уполномочивших их частей на оказание полной поддержки Государственной думе, могущей на них вполне рассчитывать.

Церемониал приема таких депутатий был следующий. Депутация являлась в помещение, занимаемое Временным комитетом Государственной думы, и если председатель думы был налицо, то он выходил к ней, выслушивал речи и приветствия, отвечал на них, а затем несколько времени происходила беседа с отдельными членами депутатии, и давались ответы на ставимые ими вопросы. Если председателя не было налицо, то вместо него выходил дежурный член комитета, находившийся налицо всегда и днем и ночью, и прием производился по тому же церемониалу. По окончании приема в комитете депутатия выходила в кулуары, где улавливалась советом рабочих депутатов и отводилась в занимаемое им несравненно лучшее по сравнению с Временным комитетом помещение, и там подвергалась соответствующей обработке.

Расскажу также правду о происхождении приказа № 1.

В один прекрасный день из совета рабочих депутатов во Временный комитет дошло сведение, что там очень озабочены распространившимся слухом, что в ближайшую ночь ожидается избиение во всех казармах всех офицеров. Временный комитет, обеспокоенный этими слухами, пригласил к себе из совета рабочих депутатов тех лиц, которые были им уполномочены для сношений с комитетом, и приступил к совместному обсуждению дела.

Подтвердилось, что, действительно, такие слухи доходили до совета, и было решено обратиться к войскам с воз-

званием с целью предупреждения этого печального явления. Проект этого воззвания взялся написать тут же присяжный поверенный Н. Д. Соколов, представитель совета рабочих депутатов.

Проект был им написан, прочтён и забракован Временным комитетом, нашедшим, что если бы даже у солдат и не было намерения перебить офицеров, то они бы, несомненно, это сделали, получив подобное воззвание. Текст соколовского проекта был другой, а не тот, который появился на следующий день под названием приказа № 1. Соколов по обсуждении его проекта, видя отрицательное к нему отношение присутствовавших, по обыкновению так же легко отказался от него, как и принял труд составления проекта, и заседание окончилось, не приняв по этому вопросу никакого решения.

Через некоторое время в помещение Временного комитета ворвался никому неизвестный человек в солдатской шинели и предъявил текст приказа № 1, заявив, что его необходимо издать сейчас же. Временный комитет, разумеется, отказался его подписать, заявив, что по этому вопросу только что было общее заседание, на котором издание приказа или воззвания не утверждено.

Неизвестный ушел, весьма недовольный, бросив уходя в виде угрозы слова: «Ну так мы его сами издали», и приказ на следующий день появился. Представители совета рабочих депутатов и потом категорически отвергали свое авторство и говорили, что подобный текст у них не обсуждался, и признавали необходимым поправить дело изданием последующего приказа, что и было сделано ими очень неудачно — разъяснением, что приказ № 1 относится только к войскам петроградского гарнизона.

Вот истинная история происхождения приказа № 1. Мне кажется, что он был измышлен и издан какою-нибудь подпольной группой из состава совета рабочих депутатов, в котофор в то время числилась не одна тысяча человек¹⁾. Во всяком случае, приказ № 1 свое дело сделал, хотя все-таки весьма сомнительно, чтобы, если бы он не был издан, ход обстоятельств изменился.

Войска, наводнившие город, весьма мало были похожи на настоящие войска; это были банды людей известного возраста, весьма мало знакомых с дисциплиной, в виде общего правила ничего не делавших и обуреваемых един-

1) Предположения Шидловского насчет «подпольных групп», конечно, вздорны. Приказ № 1 был составлен по постановлению совета, а текст его утвержден Исполнительным Комитетом. Верно лишь то, что запуганное думцами большинство совета впоследствии пыталось отречься от своего приказа. Ред.

ственным страстным желанием отправиться домой, т.-е. прекратить войну во что бы то ни стало.

Самолюбия, хотя бы национального, у них не было совсем, соображений о том, что мы, как русские, связаны известными обязательствами со своими союзниками и не можем в каждый данный момент повернуться и уйти домой, они совсем не понимали и знали только одно — домой и домой.

Это настроение, знаменовавшее полный упадок национального чувства, прекрасно учитывалось нашими противниками-немцами и будущими владыками-большевиками, которые и поставили прекращение войны во что бы то ни стало и немедленно первым лозунгом своим после захвата ими власти.

Этот столь близкий сердцу мобилизованной России лозунг и был тем кличем, вокруг которого объединились солдаты и благодаря которому пошли за большевиками охотно; большевикам же пришлось его выкинуть, как единственное средство, которое могло, действительно, быть в то время популярным для уловления в сети простого народа.

Во всяком случае, немедленное прекращение войны, а следовательно, и брест-литовский мир были теми средствами, которыми можно уловить жаждавшее возвращения домой человечество, и никакой другой лозунг не сыграл в руках большевиков такой роли, как немедленное прекращение войны¹⁾.

4.

Отречение Николая II и Михаила. Первое вооруженное выступление против Временного правительства.

27 февраля 1917 года, когда вспыхнула в Петрограде революция, государя не было ни в городе, ни в Царском Селе, где оставалась его семья.

Я не помню в точности, в каком именно месте фронта находился в это время государь, но известие о свержении его правительства застало его на фронте²⁾. По получении этого известия первым движением государя было соединиться с семьею. Он сел в поезд и поехал в Царское Село,

1) Во всех этих рассуждениях много преувеличений и искажений. Никто, например, не требовал „немедленного прекращения войны“. Верно лишь то, что армия видела в революции путь к прекращению войны, а в большевиках — единственную партию, желающую и способную осуществить эту задачу, — одну из важнейших задач революции. Ред.

2) Как видно из воспоминаний Лукомского, он находился в это время в Могилеве. Ред.

но, так как новою временною властью были приняты все меры, чтобы не допустить его в Петроград из опасения знания личного его появления, поезд его не был пропущен ни по Варшавской, ни по Витебской дороге; государь попробовал тогда достичь своей цели кружным путем — по Николаевской дороге.

Там его поезда также не пропустили, и он повернул обратно через Дно на Псков. На станцию «Дно» был дан приказ ни в каком случае не пропускать царского поезда в Псков, так как не желали снова допустить государя на фронт.

Приказ этот исполнить не удалось, так как шедший впереди царского поезда поезд с частью железнодорожного полка занял всю территорию станции «Дно» вооруженной рукой, восстановил действие всех запертых стрелок и пропустил царский поезд в Псков, куда государь и прибыл в штаб главнокомандующего северным фронтом генерала Рузского.

Между тем в Петрограде было решено потребовать отречения Николая II от престола, при чем лучшим выходом признавалась передача престола наследнику при регентстве великого князя Михаила Александровича до совершеннолетия первого.

Как-то раз пришел я во Временный комитет часов в семь утра, поспавши немного в чьей-то расположенной недалеко от Таврического дворца квартире.

Сразу же Родзянко сказал мне, чтобы я готовился через час ехать вместе с ним к государю предлагать ему отречение от престола. Государь в это время еще не доехал до Пскова и, по нашим сведениям, находился где-то между Малою Вишерой и Днём.

Вопрос о поездке был решен поздно ночью в мое отсутствие и разработан был весьма мало. Не была предусмотрена возможность нашего ареста, возможность вооруженного сопротивления верных государю войск, а с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами государя, при чем в последнем случае не было решено, куда его отвезти, что с ним делать и т. д.

Вообще, предприятие было весьма легкомысленное, но делать было нечего, и, попросив друзей взять на себя труд уведомить мою семью о причинах моего исчезновения из Петрограда, я стал ожидать часа отъезда.

Проходит час, другой, третий, неоднократно звонили по телефону на станцию Николаевской железной дороги, спрашивали, готов ли поезд, но из этого ничего не выходило, и всегда по каким-то причинам ничего не было готово.

Наконец, пришел во Временный комитет председатель

совета рабочих депутатов Чхеидзе и объявил, что совет решил не допускать поездки Родзянко к государю, пока ему не станет известным содержание того документа, который Родзянко собирается дать подписать государю.

Во Временном комитете был уже заготовлен черновик этого документа, кажется, составленный Милковым и изложенный в двух абзацах. Первый заключал в себе самое отречение от престола, а второй — передачу его сыну.

Чхеидзе было предложено ознакомиться с содержанием документа здесь же и затем распорядиться предоставлением нам поезда.

Чхеидзе ответил, что он не может дать свое заключение по содержанию и форме документа без предварительного рассмотрения его в пленуме совета. Нужно сказать, что как раз накануне Чхеидзе и Керенскому сильно нагорело от совета за то, что они, присутствуя в заседании Временного комитета, позволили себе выразить одобрение какому-то пустяшному мероприятию от имени совета, не доложив его предварительно, и поэтому они были в подобных делах сугубо осторожны.

Чхеидзе взял с собою упомянутый черновик и пошел в совет, который в это время представлял уже толпу в несколько сот человек самого разнообразного народа, митинговавшего круглые сутки.

Время, между тем, шло; прошел день, наступила ночь, а Чхеидзе обратно не являлся. Наконец, поздно вечером пришел Чхеидзе и довел до нашего сведения решение совета, который обеспечивал возможность проезда Родзянко при соблюдении двух условий.

Во-первых, с нами должен поехать и Чхеидзе, против чего мы совсем не возражали, а во-вторых, совет соглашался только на первый абзац нашего текста, а второй отвергал совершенно.

Тогда Родзянко и я заявили, что такого отречения мы государю не повезем, так как считаем невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая преемника или не давая указаний насчет того, как поступить с ним. На этом предприятие и закончилось, и Родзянко никуда не поехал.

Тем временем образовалось Временное правительство, и в первый же день его деятельности пропал куда-то Гучков, назначенный военным министром. Так как состояние войск петроградского гарнизона внушало серьезные опасения, и необходимо было принять какие-то меры, что без военного министра было сделать очень трудно, то Гучкова искали по всему городу днем с огнем, но отыскать, либо узнать, куда он пропал, не удавалось.

Точно так же исчез с горизонта и Шульгин. Спустя день обнаружилось, что Гучков с Шульгиным без ведома Временного комитета и совета рабочих депутатов умудрились похитить на Варшавском вокзале паровоз и вагон и укатили в Псков, откуда весьма скоро возвратились, привезя с собою подлинный акт отречения государя.

Шульгин мне рассказывал впоследствии, как все произошло. Приехав в Псков, они увидели императорский поезд, стоявший на запасном пути.

Встречены они были генералом Рузским, который сказал им, что отречение государем уже подписано. Государь, узнав о прибытии Гучкова и Шульгина, пригласил их завтракать, от чего они уклонились; через несколько времени они были приняты им.

Кто-то из государевой свиты при этом прочел им текст уже подписанного отречения, и когда они сделали несколько несущественных замечаний редакционного характера, то были внесены соответствующие исправления; затем все было переписано заново и снова подписано государством.

Никаких разговоров на злободневные темы при этом не было, и государь казался не только спокойным, но даже апатичным, относившимся совершенно безразлично к происходившему.

Когда члены думы спросили генерала Рузского, был ли государь в таком же настроении и раньше, когда впервые подписывал отречение, то он ответил, что нет, и выразился так, что был, мол, шум...¹⁾

Кто собственно был автором текста отречения, мне неизвестно; во всяком случае, не кто-нибудь из сопровождавшей государя свиты, среди которой не было лица, способного его составить; вероятнее всего, это был генерал Рузский или кто-нибудь из его ближайших сотрудников^{1).}

Гучков и Шульгин, пробыв недолгое время в ставке Рузского и получив на руки подлинный экземпляр отречения, пустились в обратный путь.

Когда они приехали на Варшавский вокзал в Петрограде, то встретившие их лица из железнодорожной администрации заявили им, что рабочие железнодорожных мастерских осведомлены об их поездке к государю, и в настоящее время происходит митинг в мастерских; рабочие — в чрезвычайно возбужденном настроении, при чем они требуют, чтобы ездившие к государю лица немедленно

1) Как видно из напечатанных выше воспоминаний Лукомского, манифест был составлен Лукомским и Базили в ставке и передан в Псков по прямому проводу еще до прибытия туда Шульгина и Гучкова. Ред.

были доставлены на этот митинг и приняты меры для устранения возможности неявки их.

При этом было добавлено, что ввиду крайне возбужденного настроения рабочих нельзя даже поручиться за безопасность и целостность ездивших лиц.

Гучков и Шульгин решили пойти на митинг, но непременно желали предварительно передать в надежные руки находившийся у них в руках подлинный акт отречения государя, а обстановка была такова, что сделать это открыто не представлялось возможным.

Тогда они пошли на очень рискованный шаг и, будучи фактически арестованы рабочими немедленно по выходе из вагона, передали какому-то совершенно им неизвестному человеку в форме инженера путей сообщения акт отречения, сказав, что это — документ первостепенного государственного значения, и просили передать его возможно скорее комиссару министерства путей сообщения, члену Государственной думы Бубликову.

На митинге, несмотря на крайне тяжелые условия, Гучкову и Шульгину удалось, так сказать, отгрызться, и поздно вечером они оба приехали в Таврический дворец и рассказали Временному комитету о всех своих похождениях.

Немедленно бросились искать по телефону Бубликова, что тоже по условиям того времени было нелегко, и, наконец, узнали, что Бубликов документ получил и везет его в Таврический дворец, где он и был благополучно получен.

Надлежало вступить в переговоры с великим князем Михаилом Александровичем, в руки которого должен был перейти престол.

Михаил Александрович жил в Гатчине, никакого участия во всем происходившем не принимал и, как известно было лицам, мало-мальски его знавшим, всемерно уклонялся от вмешательства в какие бы то ни было дела государственные, всецело предавшись конскому спорту.

Он был приглашен председателем думы в Петроград. Рано утром на Миллионную, в квартиру князя Путятина, выехал Временный комитет Государственной думы и только что прибывший глава Временного правительства князь Львов, и там состоялось свидание с великим князем.

Относительно условий, на которых ему надлежало согласиться вступить на престол, среди присутствовавших не было единомыслия. Одни считали, что Михаилу Александровичу надлежит принять престол безусловно, оговорив в манифесте свое отношение к ответственному министерству и полной конституционной свободе, другие же полагали, что ему надлежит поставить свое согласие в зависимости от воли

учредительного собрания, как это и было им сделано в опубликованном им манифесте.

После долгих споров и рассуждений, которому из двух решений отдать преимущество, великий князь просил дать ему время обдумать свое решение и удалился во внутренние комнаты, пригласив с собою Родзянко и князя Львова.

Совещание их продолжалось около часа, по истечении которого Михаил Александрович вышел и объявил свою волю принять престол только в случае желания учредительного собрания. После этого Временный комитет уехал в Таврический дворец, и у в. князя осталось всего несколько человек для составления текста манифеста.

Таким образом закончилось царствование в России династии Романовых.

Здесь уместно упомянуть об эпизоде, произшедшем немного позднее, но имевшем большое значение в дальнейшем ходе событий. Когда на фронте началось разложение, то военачальники, озабоченные возможным сохранением порядка в войсках, возбудили вопрос о сохранении в фронтовых войсках известного рода наказаний, отмененных вообще; может быть, это был даже вопрос о смертной казни, я точно не помню.

Во всяком случае, шел вопрос о допущении на фронте таких наказаний, которые в тылу были отменены, и распространился слух о том, что правительство князя Львова на это идет.

Петроградский гарнизон вообще очень заботился о том, чтобы не попасть в иные, более строгие условия жизни, и неизменно на всяких митингах постановлял в первую голову, чтобы его не смели никуда переводить, а тем более отправлять на фронт.

Эта мысль, очевидно, поддерживалась теми революционными элементами, в расчеты коих входило сохранить воинские части, находившиеся в Петрограде, в таком состоянии, в которое они пришли в процессе революции, так как тогда они не представляли никакой для них опасности, а наоборот, давали чрезвычайно благодарный материал для пропаганды.

Эта пропаганда и разложение армии, несомненно, составляли первую цель революционных партий. Так вот, когда распространился слух о том, что правительство собирается пойти навстречу требованиям военного командования, было решено оказать известное давление на правительство, произведя демонстрацию перед Мариинским дворцом, где обычно происходили заседания Временного правительства.

Собралась толпа, к которой присоединились Финляндский полк и какой-то флотский экипаж, разумеется, не в ка-

честве воинских частей, а в виде значительного числа солдат с винтовками, рассеянных среди толпы¹⁾.

Временное правительство не решилось или не могло принять какие бы то ни было меры и телефонировало в Таврический дворец, приглашая в заседание как Временный комитет Государственной думы, так и представителей совета рабочих депутатов.

Между тем, собравшаяся толпа настолько возросла, и характер ее демонстраций принял такой вид, что проникнуть в Мариинский дворец немедленно выехавшим членам думы было очень нелегко. Тем не менее, они приехали туда, и началось совместное заседание с правительством.

Что именно говорилось на этом заседании, представляет весьма мало интереса; кто-то выходил на балкон к толпе и говорил какие-то речи, но ни к чему, разумеется, это не повело.

Я сидел в этом заседании рядом с военным министром Гучковым. В самый разгар заседания подошел к Гучкову один из старых лакеев Мариинского дворца, носивших еще, кстати сказать, придворную форму, и сообщил ему на ухо, что его желают видеть и говорить с ним несколько солдат, ожидавших ответа в одной из отдаленных комнат.

Гучков обратился ко мне, сказав, что скучно слушать все, что здесь говорят, и предложил мне пойти вместе с ним поговорить с пришедшими солдатами. Я согласился, и мы с Гучковым пошли.

Пришедшие солдаты оказались депутатами от Преображенского полка и гвардейского экипажа, посланными своими частями к военному министру с просьбою довести до его сведения, что если им прикажут, то они моментально разгонят собравшуюся перед Мариинским дворцом сволочь. Они именно так выразились.

Гучков благодарили их, поговорил с ними, причем выяснилось, что солдаты этих частей искренно возмущены происходящим и с удовольствием водворят порядок. Объявив им, что предложение их будет немедленно доведено до сведения правительства, мы возвратились в заседание.

Гучков подошел к председателю князю Львову, что-то сказал ему на ухо, и после этого заседание как-то было скомкано и вскоре закрыто, а правительство отправилось заседать уже без приглашенных гостей.

¹⁾ Память здесь явно изменяет автору. Речь идет, очевидно, о демонстрации перед Мариинским дворцом 20 апреля, вызванной не вопросом о тех или иных на казаниях на фронте, а нотой Милкова союзным державам, где заявлялось о „всенародном стремлении довести войну до решительной победы“. Ред.

Результатом заседания было опубликованное вскоре декларативное заявление правительства, что оно готово скорее пожертвовать своею жизнью, чем пролить хотя бы одну каплю крови. Эта резолюция была принята большинством всех голосов против Гучкова и Милюкова, которые стояли за то, чтобы использовать предложение упомянутых полков и разогнать демонстрантов вооруженной силой.

Такое решение правительства отнюдь не служило доказательством не только его силы, но даже способности проявить таковую и представляло какую-то теорию непротивления злу, в результате которой правительство и погибло так бесславно, не сделав ни одной попытки поддержать свой авторитет.

5.

Главный земельный комитет. „Селянский министр“ — Чернов.

Когда власть приняло Временное правительство, и министром земледелия стал Шингарев, то он в первую голову провел через правительство и издал положение о земельных комитетах. Во главе дела стоял главный земельный комитет при министерстве, а затем шла целая сеть комитетов губернских, уездных и волостных, которым было предоставлено разрешение всех земельных дел.

Ближайшими сотрудниками по управлению министерством Шингарев пригласил исключительно эсеров, и никто из его товарищей по партии, т.-е. кадетов, в числе его помощников не был. Кроме того, Шингарев издал постановление, на основании которого частные хозяйства обязаны были весь свой урожай сдавать в казну, имея право оставлять в своем распоряжении только семена и необходимое для питания рабочих и скота продовольствие, вычисленное на основании приложенных к постановлению норм.

Нормы эти были так нелепо малы, что, конечно, их держаться было невозможно: так, например, круп на 1 человека в месяц полагалось столько, сколько рабочий съедал в самом скромном хозяйстве в день и т. п.

Мне удалось как-то поймать на ходу Шингарева и спросить его, что это значит, и входит ли в его соображения в эту минуту страшной нужды в хлебе ликвидировать частные хозяйства, не могущие существовать при соблюдении его постановления.

Он мне ответил, что совершенно не собирается разрушать частные хозяйства, а про нормы сказал, что, дескать, вы просто их не соблюдайте, если это невозможно, кто, мол, вас там будет проверять.

Председателем главного земельного комитета был назначен профессор Посников, член четвертой Государственной думы, председатель ее финансовой комиссии, человек уже старый, зачислившийся во фракцию прогрессистов.

В аграрном вопросе мы с ним стояли на совершенно противоположных полюсах. Он был столь ярым поклонником общины, насколько я был и остаюсь ее противником; в смысле работы он был не особенно практическим деятелем и интересовался лишь принципиальной ее стороной, и если ему удавалось настоять на своем принципе, то до деталей ему уже дела не было; между тем, нередко эти детали сводили почти на нет самый принцип.

В состав главного земельного комитета входило несколько членов Государственной думы по избранию последней; в их число попал и я. Главный комитет был весьма многолюден и не представлял собою постоянно действовавшего органа, а должен был собираться периодически; для постоянной же работы из числа его членов надлежало избрать комитет из 12 лиц.

Я отправился к Посникову и прямо заявил ему, что считаю себя вправе быть избранным в этот комитет, хотя отлично сознаю, что я остальным членам совсем не к масти, но что, по-моему, элементарная справедливость требует, чтобы было допущено в комитет хотя бы одно лицо, представляющее мнение, которого держалась до тех пор дума, что присутствие его не может быть опасно для дела, потому что один человек повлиять на большинство не может.

Посников, как истинно порядочный человек, признал мои доводы правильными, предложил мою кандидатуру и поддерживал ее, так что я с большим трудом и в хвосте всех был избран в состав комитета.

Занятия комитета шли очень нерегулярно, никаких повесток не рассыпалось, и несмотря на то, что я очень старался не пропустить первого заседания, все-таки попал на него с опозданием. Вместо законных 12 членов я застал там целую толпу; оказалось, что первым делом комитета было увеличение своего состава кооптированием 40 человек, на что он, в сущности, даже и права не имел.

Для чего этот деловой орган был обращен в митинг, мне неизвестно; знаю только, что это не имело персонального характера привлечения известных лиц или учреждений, а так просто решили увеличить состав на сорок человек, считая, вероятно, работу толпою более продуктивно.

Настроение царствовало в комитете чисто эсеровское: в его составе находилось несколько членов этой партии, имевших некоторую известность в литературе своими трудаами по аграрному вопросу, были земские статистики, были

люди, ничего общего с аграрным вопросом не имевшие, и были крестьяне, партийная принадлежность которых неизвестна мне, по крепко объединенные страстью желанием поживиться даром чужим добром.

Как только шингаревский закон о земельных комитетах дошел на места, таковые немедленно сорганизовались, но вдруг оказалось, что в этом законе недостает немногого, а именно, не указано точно, что именно должны делать эти комитеты и не определены пределы их компетенции. Через несколько времени в Петроград потянулись целые вереницы делегатов от комитетов, преимущественно волостных, уполномоченных разузнать, что собственно им делать. Не может быть, говорили они, чтобы можно было делать все, что угодно; дайте нам инструкцию, что можно и чего нельзя делать, и мы сейчас же начнем работу.

Оказалось, что в центре тоже не знают, что можно и чего нельзя, но были согласны, что необходимо выработать инструкцию, что очень напоминало времена старого режима, когда путем инструкций нередко давались указания, совершенно не вытекающие из текста закона; тогда это объяснялось желанием правительства обойти законодательные учреждения, так как законы вырабатывались последними, а инструкции утверждались министрами.

Таких же случаев, чтобы в законе была пропущена компетенция вновь создаваемых учреждений, я не знаю. Как никак, приезжие уполномоченные были отпущены по домам с обещанием, что инструкция будет им выслана, но до самого конца существования Временного правительства они не только ее не получили, но даже в центре ее не выработали, да никто за выработку ее и не принимался. Волостные земельные комитеты начали делать, что только им заблагорассудится, и за это нельзя было быть на них в претензии, потому что такое самоуправство логически вытекало из того положения, в которое они были поставлены самим законом.

Работа в центральном земельном комитете шла своим порядком. По каждому принимавшемуся решению мне приходилось оставаться при особом мнении, но нужно отдать справедливость, что слушали меня внимательно и никаких выпадов по моему адресу не делали.

Условия работы были весьма тяжелы, так как бывало чрезвычайно трудно узнавать, когда будут заседания, и попадать в них; повидимому, церемониальной частью руководила какая-нибудь партийная организация, потому что эсеры всегда бывали обо всем осведомлены.

Вскоре после учреждения земельных комитетов в Петрограде состоялся крестьянский съезд, совершенно эсеровский

по составу, который Чернов и К° считали своим во всех отношениях.

Ленин, пребывавший в это время в Петрограде на легальных основаниях, обратился с просьбой к эсерам допустить его на этот съезд и разрешить ему обратиться к съезду с речью, и ему это было разрешено. Как-раз в тот день, когда Ленин должен был выступить на крестьянском съезде, происходило заседание главного земельного комитета, на котором присутствовали все эсеровские воротилы.

Вдруг среди заседания вбегает какой-то человек, начинает обходить всех эсеровских тузов и что-то им на ухо сообщать, после чего они немедленно подымаются с мест и торопливо исчезают. Оказывается, что Ленин произнес речь на крестьянском съезде и закончил ее предложением принять резолюцию, им тут же оглашенную.

Резолюция была, конечно, составлена в самом левом духе, соответствующем большевистской политике, и была принята аудиторией настолько сочувственно, что крестьяне пожелали немедленно ее вотировать.

Тогда был послан гонец за отсутствовавшими эсерами, чтобы как-нибудь помешать принятию этой резолюции вместо предложенной социалистами-революционерами, счи-тавшими принятие своей формулы надежно обеспеченным.

Эсеры и их лидеры лезли из кожи, чтобы уговорить съезд отказаться от резолюции Ленина и принять внесенную ими, но этого сделать им так и не удалось; с большим трудом удалось им только изменить категорически-повели-тельную формулу Ленина в пожелание, и в таком виде она была принята подавляющим большинством.

Этот эпизод еще лишний раз доказывает, до какой степени ненадежный материал с партийной точки зрения пред-ставляют крестьяне и как легко они поддаются радикализму, раз идет вопрос о понятных им материальных интересах.

Смена на министерском посту Шингарева Черновым ничем не отразилась на работе главного земельного коми-тета. Шингарев никогда его не посещал, Чернов — крайне редко, деятели в нем как были эсеры, так и остались; при этом обнаружилось, что Чернов, с аграрною политикой которого довольно часто не соглашалось правительство, в состав которого он сам входил, своими постановлениями отвергавшее некоторые его предложения, с этим не считался.

Не имея возможности проводить свои мысли через свое министерство, он вел свою пропаганду через своих партий-ных агентов, так что получалось нередко противоречие между политикой министерства и политикой ministra Чернова.

Судить об этичности такого поведения Чернова предо-

ставляю читателю, но документы, удостоверяющие такое его поведение, существуют, надлежаще подобранные, и хранятся до поры до времени в надежном месте.

Чернов, повидимому, пользовался среди эсеров очень большою славою. Когда вспыхнула революция в конце февраля 1917 года, его в России не было, и я помню, с каким уважением к его имени мне говорили, что вот скоро приедет Виктор Чернов; в выражении, с которыми эсеры произносили эти слова, так и слышалось, что «вот приедет барин, барин нас рассудит».

Приехал, наконец, Чернов, и я, конечно, не замедлил пойти его послушать, как только представилась возможность попасть на заседание, в котором он должен был говорить.

Увидел я мужчину среднего роста, скорее полного, чем худого, с седоватыми, курчавыми волосами и с бегающими глазками. С большим вниманием выслушал я его речь, и у меня невольно возник вопрос, да тот ли это Чернов, про которого так много говорили его единомышленники.

Чисто митинговая речь, без всякого содержания, сказанная хлестко, с цитатами из разных авторов, с претензией на глубокомыслие, но совершенно без всяких мыслей, в общем, так себе, балалайка, да еще рядового свойства.

Потом мне пришлось слушать его не раз, видеть его ближе в роли министра, и первоначальное впечатление, произведенное им на меня, не только не стиралось, а как будто даже усиливалось.

Я не забуду никогда той притворно-скромной интонации, с которой он, будучи министром, говорил: «Куда мне, скромному селянскому министру», подчеркивая свою, якобы, принадлежность к бедному, забитому крестьянству, с которым он решительно ничего общего не имел ни по природе, ни по психологии, ни по пониманию вещей.

Он был прежде всего типичный революционер подполья, эмигрант. Если, может быть, он имел какие-нибудь достоинства в этой области, то в качестве открыто выступающего деятеля и организатора был полным ничтожеством—таково мое глубокое убеждение. Кажется мне почему-то, что и его единомышленники сделали это открытие, познакомившись с ним не по циммервальдским речам его, а увидевши его на деле.

Я думаю, что большевики, сами того не подозревая, оказали России колоссальную, незабываемую услугу тем, что разогнали собравшееся под председательством Чернова Учредительное собрание.

От него ничего хорошего ждать было нельзя, а худого оно наделало бы отнюдь не меньше большевиков, притом

не объявляя никакой диктатуры и террора, а я считаю, что если стране и суждено пережить тяжелый кризис, то выгоднее получить всех скорпионов сразу, чем постепенно.

Когда совету рабочих и иных депутатов стало тесно в Таврическом дворце, он стал искать себе подходящее помещение в городе, при чем находил Смольный институт, в который он потом все же перебрался, неудобным по удаленности от центра.

Первый свой натиск совет направил на Зимний дворец, находившийся в ведении художественного совета. Представителю совета рабочих депутатов в художественном совете Н. Д. Соколову было поручено провести этот вопрос, но как Соколов ни старался и какие комбинации ни предлагал, все они были единогласно отвергнуты, и совета рабочих депутатов так в Зимний дворец и не пустили.

Я помню, что когда мы возвращались вместе с Соколовым домой после решительного заседания по этому вопросу, то он с горечью заметил: «Максимализм в политике— максимализм в искусстве», желая этим сказать, что наименее в решении этого вопроса была допущена такая же крайность, как та, преобладание которой уже начинало замечаться в виде усиления большевистского настроения в совете рабочих депутатов, членом которого он состоял.

6.

Керенский. Общая характеристика.

Керенский, сыгравший столь видную роль в составе Временного правительства, был впервые выбран в думу четвертого состава. До этого он в широких кругах был совершенно неизвестен, выступая от времени до времени в качестве присяжного поверенного во всяких политических процессах и в делах, в которых можно было собрать материал для антиправительственной пропаганды.

В этой области, если не ошибаюсь, он принимал весьма энергичное участие в выяснении истории с рабочими на Ленских золотых приисках, ездил туда, опрашивал рабочих и, вообще, собирая обвинительный против администрации материал.

В Государственной думе его первые дебюты показали в нем молодого, не всегда достаточно уравновешенного, но очень горячего оратора, начинавшего свои речи сравнительно спокойно, но, затем, с появлением на его губах пены, способного доходить до высших степеней неистовства.

Законодательною работою думы он интересовался весьма мало, как и прочие его товарищи—социалисты, и появлялся

на кафедре исключительно по запросам и в тех случаях, когда представлялась возможность говорить, по их словам, народу через голову думы.

У нас в России всегда было много народа, который, принадлежа по своим политическим взглядам к весьма умеренным кругам, питал некоторую слабость к радикальным натурам и был способен ими увлекаться и переоценивать таковые.

Керенский в думе принадлежал именно к таким лицам, которыми многие увлекались и которых ценили не по достоинству.

Правый фланг думы в подавляющем большинстве относился к нему отрицательно, но и то не лично, а как к человеку, принадлежавшему к заведомо враждебному лагерю; среди же партий, так сказать, левого центра были люди, которые принимали его всерьез, и неоднократно были делаемы попытки каких-то новых межпартийных соглашений, с привлечением к ним Керенского, из которых никогда ничего не удавалось.

Во всяком случае, личность Керенского в думе переоценивалась, и известная вера в него у других, лучше знавших его, членов думы держалась вплоть до того момента, когда, попав в правители государства, он показал всем свою истинную натуру, делающую его для мало-мальски крупной роли совершенно непригодным.

Авантюристом, преследующим какие бы то ни было личные цели, он никогда не был, но зато и не обладал ни одним из свойств, необходимых крупному деятелю в какой бы то ни было отрасли.

Пафос и горячность еще никогда ничего не создавали, а твердости, знания людей и основательности в нем не оказалось.

В первые дни революции Керенский оказался в своей тарелке, носился, повсюду произносил речи, полные добрых желаний, не различая дня от ночи, не спал, не ел и весьма быстро дошел до такого состояния, что падал в обморок, как только садился в кресло, и эти обмороки заменяли ему сон. Прийдя в себя, он снова говорил без конца, куда-то уносился, и так продолжалось день и ночь.

Он был так же, как Чхеидзе, и членом Временного комитета Государственной думы, и членом совета рабочих депутатов, принимал это совместительство всерьез, старался служить промежуточным звеном, связывавшим эти два учреждения, лично гораздо более симпатизируя совету, но удавалось это ему плохо.

Когда он вошел в качестве министра юстиции в состав временного правительства, он самым искренним образом

считал себя, как и неоднократно говорил, заложником пролетариата в буржуазном правительстве.

Своим назначением он был очень доволен, и я отлично помню, как в помещении Временного комитета он, лежа в кресле, горячо говорил о том, на какой недосягаемый пьедестал он поставит в России юстицию.

Речь была горяча, искренна, но оратор, повидимому, забыл, что такими речами ничего не создашь, а нужно уметь творить, к чему, как оказалось, способностей у него не было.

Свою роль заложника у буржуазии Керенский принимал очень серьезно и, пользуясь тем, что за ним стоял совет рабочих депутатов, представлявший реальную силу, не раз и не два, а в виде системы оказывал сильное давление на своих коллег по правительству, если они собирались поступить несогласно с его мнением.

Постепенно его роль в правительстве приняла совершенно иенормальный характер, он из рядового министра превратился в какого-то исполнявшего обязанности министра-уполномоченного советом, имевшего право veto¹⁾ по отношению ко всем действиям правительства, которое с таким положением весьма малодушно примирилось и тем самым выкопало себе яму, в которую потом и свалилось.

Керенский сам не понимал, что для руководства страной, хотя бы находящейся в состоянии революции, необходима больше, чем когда-нибудь, авторитетная власть и что он занятой им позицией сам подрывает не только авторитет настоящего, но и всякого будущего правительства, в том числе и своего собственного, если ему суждено быть; между тем, обстоятельства шли так, что усиление власти Керенского в какой угодно форме, до диктатуры включительно, делалось все возможнее.

Последовал частичный министерский кризис, после которого Керенский стал военным министром и главнокомандующим армией. Совмещение таких должностей само по себе нелепо и, в сущности, невозможно в разгар военных действий, особенно, когда, подобно Керенскому, являешься сторонником войны во что бы то ни стало до победного конца, а он, несомненно, держался такого взгляда.

Взяв на себя такую неосуществимую задачу, Керенский, разумеется, не мог не остаться самим собою, то-есть верующим в беспредельную силу слова, и поэтому свел всю свою деятельность к речам.

Речи эти производили впечатление, зажигали, может быть, тех, до ушей которых они достигали, но заменить

¹⁾ Запрета. Ред.

собою творческую работу они не могли. На фронте кое-где под влиянием его речей войска проявляли чудеса храбрости, но только в пределах действия этих речей, общий же развал, происходивший на ряду с другими причинами и от неумения и непригодности власти, продолжался.

Наконец, Керенский очутился во главе правительства. Временное правительство, первоначально поставленное Государственной думой и не сумевшее использовать тот авторитет, который оно должно было себе создать даже ценою своего падения в самом начале, постепенно отошло от власти, которая очутилась в руках Керенского, до того юноши ослепленного, что он не заметил весьма опасного для него расслоения совета рабочих депутатов и возраставшего влияния товарищей-большевиков.

Вообще, по мере, если можно так выразиться, карьеры Керенского все более вырисовывались слабые стороны его натурь, и хотя увлекавшихся им людей было еще довольно много, но зато увеличивалось и количество убеждавшихся в том, что ему с делом не справиться.

Все более очевидным становилось, что за его речами, которыми он увлекался все более и более, нет и тени того, чем он в этих речах старался казаться, что он, в сущности, — человек слабовольный, увлекающийся внешностью, любящий театральность, и, вообще, не более, чем простой актер, безумно любящий свое театральное дело, но особыенным талантом не отличающийся.

Достаточно вспомнить его появления на улице, — а это он очень любил, — не иначе, как в каком-то особенно великолепном автомобиле¹⁾ с развивающимся над ним громадных размеров флагом, не иначе, как в сопровождении большой военной свиты; всей этой обстановкою он, несомненно, наслаждался.

Жизнь в Зимнем дворце тоже доставляла ему известное удовлетворение, хотя лично он в своих привычках и манерах не имел ничего общего с тем парадом, которым он себя окружал.

В своих речах, к которым у Керенского была большая склонность, он, несомненно, играл, как актер, может быть, сам того не сознавая, при чем особенную слабость он имел к амплуа трагика.

Я не могу сказать, чтобы он был талантливым трагиком, мне приходилось видеть на сцене трагиков с европейской репутацией, которым он, конечно, в подметки не годился, но в провинции, во второстепенных труппах, та-

¹⁾ Об этом автомобиле сам Керенский писал в своей „Гатчине“ „Я приказал подать мой превосходный дорожный автомобиль...“. Ред.

ких трагиков встретить можно. Мне почему-то кажется, что Керенский в юности, наверное, был большим любителем сценического искусства, играл в любительских труппах и поражал уездных барышень силою своей экспрессии.

При этом, желая все-таки оставаться беспристрастным, я должен сказать, что притворства сознательного со стороны Керенского не было, и, всегда играя, он бывал искренно убежден, что он не играет, а делает дело, и что именно таким образом дела делаются.

За это, для таких натур, как он, неизлечимое убеждение пострадали и он и верившая в него Россия, что доказывает, что и человечеству в крупном масштабе свойственны ошибки в понимании и оценке людей, ничем не отличающиеся от ошибок никогда ничего не видавших уездных барышень.

Керенский считал себя героем и крупным деятелем, не будучи ни тем, ни другим; в этом—капитальный его недостаток, которому очень способствовало и то, что таковыми же считали его многие люди.

В способность масс справедливо оценивать как отдельных людей, так и, вообще, отдельные факты я верю очень мало, а в революционное время, когда наступает состояние массового неравновесия, своего рода массовый психоз, эта способность утрачивается совершенно.

Карьера Керенского в роли спасителя отечества служит лишним доказательством правильности моего воззрения, подтверждаемого целым рядом исторически известных фактов. Поговорка «суд народа—суд божий» по существу неправильна и является, может быть, пережитком давнишних времен, от которых теперь и следа не осталось.

7.

Государственное совещание в Москве.

Керенским или состоявшим под его председательством правительством в последние месяцы его существования были устроены два учреждения, смысл и значение которых мне не совсем понятны и до сих пор.

Это были: созванное в августе 1917 года в Москве Государственное совещание и собранное после него в Петрограде нечто вроде парламента с мало известными функциями, получившее в общежитии название предпарламента. Мне пришлось участвовать в обоих этих учреждениях, и впечатлениями о них, пожалуй, интересно поделиться.

Государственное совещание было созвано в Москве, в Большом театре, и так как мне предстояло в качестве

члена думы принимать в нем участие, то я с большою старательностью стремился в правительственные кругах узнать, в каких целях оно собирается.

Разузнать это было очень трудно, так как никто определенного ответа дать не мог, но все-таки отчасти выяснилось, что правительство хочет этим путем нащупать, так сказать, общественное настроение для того, чтобы знать, какого направления ему держаться: более правого или более левого.

Ввиду того, что месяца через два должно было собраться Учредительное собрание, избираемое на основании четырехчленной формулы, казалось бы, по мнению правителей России, лучше всего гарантирующей подлинность народной воли, было совершенно лишним разузнавать временно эту волю путем созыва такого произвольно составленного народного представительства.

Однако, дела правительства шли все хуже и хуже, оно, в сущности, не знало, что делать, и поэтому решилось на созыв московского совещания, надеясь занять им внимание и просуществовать как-нибудь до открытия Учредительного собрания. К тому же, глава правительства Керенский так любил речи и, вообще, всякие эффекты, что такая форма общения с народом, в действительности оказавшаяся по внешности очень эффектной, его невольно привлекала.

За несколько дней до открытия Государственного совещания в Москве по инициативе Государственной думы было создано совещание общественных деятелей, вокруг которого объединилась вся правая половина Государственного совещания, состав которого был определен правительством путем предоставления права участия в нем различным группам населения согласно составленному на этот предмет расписанию.

Чем руководствовалось правительство при составлении этого расписания, мне неизвестно; знаю только, что правых и левых в совещании было почти поровну, так что средний проход театрального партера составлял весьма ясно заметную границу между этими двумя половинами.

Центральное положение занимала группа кооператоров, так что, если бы дело доходило до голосования, то присоединение ее к той или другой половине давало бы перевес, но до голосования дело не доходило, и все совещание свелось к вступительной речи Керенского, речам некоторых министров по их отраслям, речи Корнилова, заявлениям или речам групп и заключительной речи опять Керенского.

Предварительные заседания совещания общественных деятелей проходили довольно оживленно в обсуждении про-

исходившего и в попытках объединиться с некоторыми левее стоявшими группами, что, в общем, к благоприятным результатам не привело, так как события не дошли еще до того, чтобы правые могли достаточно полеветь, а левые достаточно поправить в целях найти общий язык.

В совещании общественных деятелей мне пришлось впервые увидеть генерала Юденича, тучного генерала, упорно промолчавшего все время, пришлось увидеть там же бывшую знаменитость Г. С. Петрова, когда-то гремевшего духовного оратора, и, боже, в каком виде! Он попросил слова и произнес торопливым захлебывающимся голосом речь, в которой и тени не осталось от бывшего оратора ни по форме, ни по смыслу.

Наконец, открылось заседание Государственного совещания. Обстановка, действительно, была эффектна. Красивый театральный зал, великолепно освещенный, с поднятым занавесом, на сцене, на первом плане к левой стороне—длинный стол, за которым сидело правительство, к правой—трибуна для оратора; за ними—целый ряд стульев, занимавший все пространство очень глубокой сцены, для лиц, которым не нашлось помещения в партере.

Весь партер и первые два яруса лож заняты были членами совещания, а выше, до ряда включительно—публикой. Всей церемониальной частью заведывала комиссия под председательством министра, не помню чего¹⁾, Никитина, человека, не знаю, чем известного, но только не любезностью. Настроение зала было повышенно торжественным.

Свою вступительную речь Керенский говорил совсем не так, как обычно; очевидно, для такого торжественного случая он выбрал другую манеру; вместо обычной для него торопливости и некоторого захлебывания он медленно выпускает фразу за фразой, отчего лицам, привыкшим его слушать, речь его кажется на этот раз искусственной и деланной.

Передавать содержание его речи, да и вообще речей, в Государственном совещании произнесенных, я не буду, так как они были тогда целиком напечатаны в газетах. Остановлюсь только на некоторых эпизодах, никакого отношения к речам и к целям этого совещания не имевших.

Правительство, т.-е. все министры во главе с Керенским, разместилось за большим столом на сцене, а за креслом Керенского стояли все время, вытянувшись, руки по швам, два офицера, его адъютанты. Находившиеся в числе участников совещания офицеры были возмущены тою ролью, которую заставляли играть лиц, носивших офицерскую

¹⁾ Почт и телеграфов. Ред.

форму, и в первый перерыв послали сказать этим адъютантам, что если они хотят исполнять лакейские обязанности, то пусть снимут военную форму; если же они — в форме, то должны блюсти офицерское достоинство. В результате после перерыва оба адъютанта оказались уже сидевшими.

Керенский произнес речи вступительную и заключительную. В последней он хотел, повидимому, ответить на усмешенный им в речах упрек в отсутствии энергии и силы и поэтому пустился во вся тяжкая в смысле красноречия.

Он не то рычал, не то кричал: «Вы крови хотите, так я вам дам крови», на что послышался из верхних ярусов чей-то плаксивый женский голос: «Не надо».

Одним словом, трагические эффекты были пущены во всю, но ни на кого, кроме истерических девиц, никакого впечатления они не произвели, и Керенский выяснился в истинном свете присущей ему слабости гораздо сильнее, чем до этого совещания.

Покойный генерал Каледин, один из умнейших наших генералов, сказал мне в перерыве после речи Керенского, которого он слышал и видел в первый раз: «Я редко видел человека, который бы так старался доказать свою силу и вместе с тем оставлял такое яркое впечатление безволия и слабости».

Присутствовавшие в качестве зрителей американские врачи, стоявшие во главе находившейся тогда в России американской краснокрестной миссии и, разумеется, ни слова не понимавшие по-русски, на мой вопрос, как им все происходившее нравится, ответили: «Это — все великолепно, но мы, к сожалению, не могли понять, что говорилось, но на нас, как на врачей, речь Керенского произвела такое впечатление, как будто человек говорил под влиянием какого-нибудь наркотического средства, которое перестало действовать раньше, чем он окончил свою речь».

Это, может быть, бессознательная, но злая и меткая характеристика красноречия Керенского, всегда старавшегося вогнать себя в состояние исступления, знаменующее, по его мнению, силу.

Особое значение было придано выступлению на Государственном совещании генерала Корнилова. Еще до его выступления носились какие-то неопределенные слухи о контрах его с Керенским, о том, что не то Керенский хочет его арестовать, не то Корнилов хочет арестовать Керенского, одним словом, нечто весьма смутное.

Корнилов, бывший тогда верховным главнокомандующим, действительно, приехал в Москву довольно необычным образом; во-первых, на очень короткое время, в своем спе-

циальном поезде, под охраною своего конвоя, состоявшего из каких-то восточных людей в белых папахах.

Поезда Корнилов в Москве не покидал, жил в нем и только выезжал один раз в Большой театр для произнесения своей речи, и то под охраною своих собственных телохранителей.

Вообще, во всем его приезде было что-то иенормальное, доказывавшее, что происходит какое-то скрытое брожение.

Корнилов был встречен весьма бурными овациями правого фланга Государственного совещания и произнес речь чрезвычайно бесцветную; нужно сказать, что покойный генерал оратором не был, но даже по содержанию эта речь не блистала особыми достоинствами.

8.

Заговор Корнилова.

Около этого времени группа молодых офицеров из ставки пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов думы; было устроено совершенно тайно небольшое собрание, на котором офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения думы, что на фронте и в ставке все готово для свержения Керенского и что нужно только согласие Государственной думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и, так сказать, под ее покровительством.

Члены думы отнеслись к этому предложению с большою осторожностью, стали подробно расспрашивать офицеров о том, что организовано, да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что никакого значения придавать деланному предложению нельзя, и поэтому отказались даже разговаривать по этому предмету с Корниловым. Из всех членов думы поехал к Корнилову в его поезд один Милюков, имевший с ним разговор, содержание которого мне неизвестно.

Относительно Корнилова нужно сказать, что общераспространенное мнение о нем, как о человеке выдающемся, было весьма далеко от истины. Не может быть сомнения, что он был человек безумной храбости, предприимчивости, но талантов, присущих крупному вождю, он не показал, может быть, потому, что не имел случая, но, вернее, потому, что не обладал ими.

Его репутация храбрости была твердо установлена как в армии, так и среди руководящих кругов ее, но в смысле командных способностей он принадлежал к той группе ге-

нералов, карьера которых ограничивается максимум начальником дивизии.

Он был первоклассным начальником боевой части, но не обладал ни достаточными способностями, ни достаточным умом для более крупной роли руководителя.

Таково было мнение специалистов военных, которых ни в коем случае нет оснований подозревать в ревности к Корнилову, которого они хорошо знали и любили.

С политической стороны Корнилов, затеявший весь свой поход против Керенского, оказался сущим младенцем по наивности, непониманию обстановки и мягкости характера, отдавшей его в руки окружавших авантюристов весьма небывалого разбора.

Весь заговор против Керенского был создан совсем не Корниловым, а кучкой людей из штаба, которые вовлекли его в эту авантюру.

Корнилов, которого нужно судить только как военного, а не как политика, так как в политике он ничего не понимал, совершил величайшую ошибку, непростительную для вождя; он оказался совершенно неосведомленным об истинном настроении состоявших под его командой армий, вследствие чего его затея провалилась даже с чисто военной точки зрения.

Я далек от мысли возводить на Корнилова, как на человека, какие бы то ни было обвинения в чем-либо предосудительном; он был честен безупречно, храбр бесконечно и движим самыми высокими побуждениями в желании спасти родину, но умным человеком он не был и в сложных политических обстоятельствах совершенно не разбирался.

Не нужно забывать, что в это время уже назревало намерение большевиков захватить власть, и в совете рабочих депутатов происходило соответственно брожение. Если бы Керенский спелся с Корниловым в смысле взаимной работы по ликвидации большевиков, то, конечно, октябрьского переворота не произошло бы; было ли бы это лучше, или нет,—вопрос другой.

Весь секрет в том, что оба эти человека были совсем не государственные люди по своим способностям и отпущенными им господом богом талантам; поэтому такую простую вещь, как взаимная работа, делать не могли, предпочитая заняться взаимоистреблением. Большевикам это было только на руку.

Покушение Корнилова на свержение Керенского формально провалилось даже без особенного усилия со стороны этого последнего, до такой степени оно было легкомысленно задумано. Но Керенскому этот эпизод, несомненно, вскружил голову и заставил относиться еще пренебрежительнее

и легкомысленнее к его истинным врагам — большевикам, такою легкою жертвой коих он скоро сам пал.

Керенским после Московского Государственного совещания было создано еще одно учреждение, членом которого мне довелось быть и которое называлось предпарламентом. Как оно называлось официально, я совершенно не помню¹⁾, для чего оно было создано, мне тоже никогда не было понятно.

Вероятнее всего — для того, чтобы было перед кем произносить речи. Другого смысла это просуществовавшее несколько недель учреждение не имело, так как высказываться и выносить постановления оно не имело права.

Припоминается мне что-то весьма смутное о том, что Керенский уподоблял предпарламент своего рода пульс общественного настроения, который ему в таком виде легче было щупать, но наверно утверждать, что он именно так относился к этому учреждению, я не берусь.

Во всяком случае, в предпарламенте говорили, говорили без конца, и 25 октября 1917 года тоже собирались говорить, когда в этом учреждении появились войска и без церемонии вытолкали прикладами всю публику на улицу, положив этим конец как предпарламенту, так и вообще всему режиму Керенского...

¹⁾ Официально он назывался Временным Советом Республики и был выделен из Демократического Совещания, открывшегося 14 сентября в Петербурге. К московскому Государственному Совещанию, происходившему 12—14 августа, Предпарламент отношения не имел.

Ped.

²⁾ О назначении Предпарламента лучше всего сказано в письме Ленина от 22 сентября 1917 г.

„Вся суть Предпарламента — бонапартистский подлог... единственный назначение Предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для старой, уже испытанной, истрапанной, истасканной „коалиции“ с буржуазией...“ *Ped.*